

Консоциально-демократический феномен

Научный руководитель – Синюков Владимир Николаевич

Варчук Александр Анатольевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Институт права, Москва, Россия
E-mail: varchukaleksander@gmail.com

Ливан - одно из немногих государств на Ближнем Востоке, которое привлекает внимание исследователей своей политико-правовой сущностью. Устойчивость страны, прошедшей сквозь долгую гражданскую войну, выделяет её из числа типичных государств в данном регионе.

Политическая структура данной страны строится на принципах конфессионального представительства пропорционально величине каждой из религиозных общин. Так, в Ливане президентом страны должен быть христианин-маронит, премьер-министром — мусульманин-суннит, спикером парламента — мусульманин-шиит, а в правительстве должны быть поровну представлены христиане и мусульмане. Принцип религиозного квотирования отражен и в парламенте страны, из общего числа депутатов мандаты должны быть поровну распределены между мусульманами и христианами.

Исторически подобная модель государственного управления обусловлена большим количеством религиозных и этнических общин, проживающих на территории Ливана. Однако помимо Ливана консоциальная теория обрела своё значение на практическом уровне еще в ряде Европейских государств: Бельгия, Швейцария, Австрия, Нидерланды.

По мнению Аренда Лейпхарта консоциальный принцип принятия ключевых решений является «формулой успеха», благодаря которой система государственной власти, а также взаимодействие политических элит приводит к устойчивости всего общества [3].

Согласно учениям Лейпхарта для успешной реализации данной концепции на практике требовалось выполнение нескольких условий: участие в политическом процессе всех значительных социальных групп, их широкая автономность в совокупности с осознанием угрозы политической фрагментации и способность объединять свои усилия с представителями конкурирующих субкультур. Другими словами, Лейпхарт видит ключ успеха в создании большой коалиции, собранной из основных социальных сегментов, которая и будет наиболее эффективно притворять в жизнь государственное управление [3].

Отдельного внимания в теории Лейпхарта заслуживает институционализация права вето в процессе принятия политических решений на государственном уровне. Право на использование вето введено в качестве обеспечения прав меньшинств на участие в процессе принятия решений и для защиты их позиций. Однако, как справедливо замечает сам Лейпхарт, его чрезмерно частое использование в качестве инструмента влияния тормозит сам процесс принятия решений и тем самым весь государственный аппарат приобретает негативные тенденции.

На пути становления каждого государства происходило немало острых кризисов, обусловленных спецификой региона, проживающими этносами и многими другими факторами. Однако, как отмечает Маттис Богардс, именно способность договариваться всегда помогала людям находить верные пути решения проблем [1]. Фактически пример Ливана является подтверждением жизнеспособности концепции Лейпхарта даже в условиях Ближнего Востока. Также договорный принцип принятия политических решений отражён

и в названии самой модели - *consociational democracy* («консоциональная», «согласительная демократия») [2].

Одним из наиболее сложных для анализа пунктов в критике консоциональной теории является олигархичность данной системы. Очевидно, что данное явление по большей части свойственно странам с «развивающейся» демократией как в Ливане, в отличие от Европейских порядков. В подобном контексте транслировала свои мысли Бренда Сивер: «Упор консоциональной теории на превозношение элит и кулуарность принятия элитами решений противоречит нормативной демократической теории» [4]. С данной позицией сложно не согласиться, поскольку отдалённость правящих кругов от реальных общественных проблем ставит под угрозу сам принцип демократии, в идеальном её понимании.

Несмотря на критику консоциональной системы стоит отметить, что с её помощью удаётся решать одну из важнейших задач государства, характеризующегося многочисленностью разнообразных сегментов, а именно - «сглаживать» потенциальные конфессионально-этнические конфликты. Решения подобных проблем Лейпхарт видел в соединении идей *overlapping memberships* («перекрывающегося членства») и *crosscutting cleavages* («перекрестных расколов»). В соответствии с этой концепцией, стимулом к компромиссам политических элит должна быть их вовлеченность не в процессы, протекающие внутри их социального сегмента, а в разные - так называемые гетерогенные, перекрывающиеся членства. Предполагается, что в результате разные социальные группы и их политические лидеры будут стремиться выработать более взаимоприемлемые предложения. Кроме того, взаимная зависимость позволяла бы выбирать более справедливые решения общих проблем, а также паттерны поведения в обществе.

В заключение, консоциональная модель предоставляет определённый институциональный инструментарий для внешнеполитического лавирования страны в интересах внешней и внутренней безопасности. При всех существенных недостатках имплементации модели на практике всё же многие западные исследователи, как, например, Герхард Лембрух и Майкл Хадсон отмечали, что консоциональная модель успешно работает только в сравнительно небольших государствах.

Источники и литература

- 1) Bogaards M. Democracy and Social Peace in Divided Societies: Exploring Consociational Parties // Palgrave Macmillan. 2014. P. 174.
- 2) Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. 1969. № 21(2). P. 220–225.
- 3) Lijphart A. Consociational Theory: Problems and Prospects // A Reply. Comparative Politics. 1981. № 3. P. 355–359.
- 4) Seaver B.M. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon // Political Science Quarterly. 2000. № 2. P. 245.